

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 2 (61)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-корр. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлагула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2023

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 2 (61)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

КОЛЕСНИЧЕСТВО В ОБЩЕСТВАХ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Одним из ярких феноменов в обществах бронзового века Южного Зауралья является колесничество, с которым связан комплекс артефактов, хорошо представленный в погребальном обряде. На основе комплексного анализа свидетельств существования колесничной культуры рассматривается социальная роль этого явления в древних обществах: выделяются две социальные группы, маркирующиеся элементами колесничной символики, но имеющие различные половозрастные характеристики, отражающие разные стадии колесничества как общественного института.

Ключевые слова: *бронзовый век, Южное Зауралье, синташтинская культура, петровская культура, колесничество, погребальный обряд.*

Введение

Модели социального устройства древних обществ, построенные на основе археологических источников, как правило, в значительной степени гипотетичны. По мнению большинства исследователей, археологические культуры эпох средней и поздней бронзы Южного Зауралья определяются как «комплексные общества» (термин, активно продвигавшийся выдающимся исследователем древности В.М. Массоном [2000]). Наибольший интерес в этом плане представляет синташтинская культура, характеризующаяся поселениями со сложной централизованной планировкой, богатой и трудозатратной погребальной обрядностью, а также связанная с синташтинской и во многом схожая с ней петровская культура.

О социальном устройстве коллективов — носителей данных культур за последние 25 лет было высказано множество предположений. Одна из самых ранних — версия о протополисной системе синташтинского общества, наличии в нем элиты, отличавшейся статусным, а не имущественным превосходством [Зданович, 1997, с. 68–77]. В отношении синташтинского и других обществ бронзового века Евразии, находившихся на догосударственной стадии развития, многими авторами используется также термин «вождество» (см., напр.: [Drenan et al., 2011; Корневский, 2021, с. 59; и др.]), хотя большинство указывают на значительные региональные и хронологические различия в характеристиках таких коллективов.

Г.Б. Здановичем была высказана и развивалась гипотеза о принадлежности жителей укрепленных поселений синташтинской культуры к элите и существовании подчиненной им округи из периферийных неукрепленных поселений [1992, с. 260]. Эта теория, однако, пока не находит достоверного подкрепления в обнаружении достаточного количества синташтинских материалов в ординарных поселениях бронзового века на территории распространения синташтинской культуры. А.В. Епимахов соглашается с наличием признаков элитного комплекса в погребальной обрядности синташтинской культуры, однако, с учетом данных поселений, основным мотивом общества считает социальную солидарность [2010, с. 34].

Ранее нами была высказана гипотеза о поликультурной модели общества бронзового века Южного Зауралья, с вертикальной социальной иерархией не внутри отдельного коллектива, а между коллективами, имевшими различные культурные стандарты, проживавшими на одной территории [Куприянова, 2015]. Это предположение находит дополнительную аргументацию в последних исследованиях серии радиоуглеродных дат с ряда памятников в округе с. Степное Пластовского района Челябинской области, показавших синхронность синташтинских, петровских и раннесрубных древностей в пределах одного микрорайона [Епимахов и др., 2021].

В целом, при всем разнообразии интерпретаций археологических материалов, несомненным остается лишь тезис о возрастании социальной сложности обществ в периоды средней и поздней бронзы в Южном Зауралье.

Возникновение колесничного комплекса в степях Центральной Евразии в бронзовом веке имело отношение не только к развитию военного дела и материальной культуры, прежде всего,

оно отразилось в общественных институтах. Наиболее ранние, яркие и систематические проявления символики колесничества в погребальной обрядности в этот период фиксируются в памятниках синташтинской и петровской культур Южного Зауралья. Материальная сторона этого феномена достаточно подробно изучена методами трасологии, статистики, экспериментальной реконструкции и представлена в многочисленных публикациях [Епимахов, Чечушков, 2004; Чечушков, 2011; Чечушков, Епимахов, 2010; и др.], хотя предлагаемые модели-реконструкции колесниц, конской упряжи ввиду объективных обстоятельств сохранности археологических источников являются в основной части аподиктическими¹.

Цель данной работы — исследование социальной роли и символики колесничества по данным, отражающимся в погребальной обрядности. Попытки определения социальной роли «колесничих» для общества бронзового века Южного Зауралья уже предпринимались [Kurpianova et al., 2017], однако накопление новых данных требует переосмысления ранее сделанных выводов.

Методика исследования и материалы

В основу методики исследования положен комплексный анализ погребальных объектов, артефактов, останков людей и животных, с применением статистического и типологического методов, методов естественных наук. Для реконструкции колесничества как социального феномена требуется всестороннее сопоставление множества факторов, ему сопутствующих, среди которых:

- контекст размещения деталей колесничного комплекса в погребальном обряде;
- антропологические характеристики индивидуумов, сопровождавшихся колесничным комплексом;
- характеристика сопутствующих жертвоприношений;
- трасологические исследования деталей колесничного комплекса; и др.

В своей классической фазе феномен колесничества подразумевает в социальном плане существование одного персонажа — колесничего, имеющего право на управление транспортным средством в процессе войны, соревнований и пр. В реальности же к колесничной культуре имело отношение гораздо большее количество людей, выполнявших различные функции — от изготовления колесниц, упряжи до обучения лошадей. Можно предположить, что в начальной стадии формирования (с каковой мы имеем дело в степях Южного Зауралья в бронзовом веке) все эти индивидуумы могли включаться в социальную группу, имеющую отношение к колесничеству.

При отборе материалов для исследования учитывался ряд факторов. Во-первых, далеко не для всех памятников, где обнаружены те или иные проявления колесничества, имеется набор соответствующих определений. Во-вторых, существование территориальных вариантов обрядов, неоднократно зафиксированное при исследованиях на всей территории распространения какой-либо археологической культуры, часто при попытках обобщения создает размытую картину. Поэтому, ввиду необходимости комплексного анализа всех обстоятельств, построение статистических моделей на широком пространстве в заявленной теме на данный момент невозможно. Исходя из этого, при попытке характеризовать колесничество как социальный феномен, в качестве объектов анализа мы избрали три рядом расположенных погребальных памятника, приуроченных к двум самым северным укрепленным поселениям синташтинской культуры (Степное и Черноречье), содержащих синташтинские и петровские материалы: могильники Степное-1, Степное VII, Кривое Озеро (Троицкий и Пластовский р-ны Челябинской обл.) [Виноградов, 2003; Зданович, 2013; Куприянова, 2016, 2021; Куприянова, Зданович, 2015]. Для исследования были взяты неграбленные либо частично ограбленные погребения, имеющие ряд антропологических, археозоологических, трасологических, радиоуглеродных определений, содержащие колесничную символику. Этим параметрам соответствовало 10 погребений из 3 памятников: мог. Степное-1 — курганы 1, 4, 8, 33; мог. Степное VII — комплексы 1, 4; мог. Кривое Озеро — курганы 1, 9.

Результаты исследований

Ямы, содержавшие явные признаки колесничества (колесные ямки, псалии, вооружение, жертвоприношения лошадей) (рис. 1), отобранные в качестве объектов анализа, были сопоставлены с

¹ З.В. Доде была предложена трехчастная классификация типов реконструкций в палеокостномологических исследованиях: 1) аутентичная (полностью основанная на первоисточнике — конкретном комплексе); 2) аподиктическая (в случае отсутствия полных данных о конкретном объекте, но выполненная в совокупности с другими археологическими источниками, письменными и фольклорными свидетельствами, этнографическими параллелями и др.); 3) гипотетическая (основанная на элементах объекта в отсутствии системообразующей основы) [2005, с. 306–307]. На наш взгляд, эта классификация применима к большинству реконструкций объектов материальной культуры, сделанных на археологических материалах.

точки зрения возраста погребенных и типа погребального обряда. Погребения делятся на две количественно равные группы: коллективные и индивидуальные. Таблица антропологических определений отчетливо показывает половозрастные различия для этих двух групп:

Половозрастные различия индивидуумов из погребений с чертами колесничного комплекса

Sex and age differences of individuals from burials with features of the chariot complex

Памятник, культура: (с) — синташтинская, (п) — петровская	Пол, возраст индивидов
Группа 1. Коллективные погребения	
Мог. Степное-1, к. 1, я. 1 (с)	Жен., 17–25 лет; муж., 15–17 лет; дет., 12–14 лет; 9–10 лет
Мог. Степное-1, к. 1, я. 2 (с)	Жен. 15–17 лет; дет. 14–15 лет; 1,5–2 года
Мог. Степное-1, к. 4, я. 10 (с)	5–6 лет; ок. 8 лет; 9–10 лет; ок. 0,5 лет
Мог. Степное-1, к. 4, я. 13 (с)	Ок. 8 лет; муж. ок. 9 лет
Мог. Степное VII, я. 18 (п)	Муж., 18–22 лет; жен., 15–17 лет; дет., 10–12 лет; 9–10 лет
Группа 2. Индивидуальные погребения	
Мог. Степное-1, к. 8, я. 1 (п)	Муж., 20–25 лет
Мог. Степное-1, к. 33, я. 1 (с)	Муж., 45–55 лет
Мог. Степное VII, я. 5 (п)	Муж., 30–40 лет
Мог. Кривое Озеро, к. 1, я. 3 (п)	Муж., 35–40 лет
Мог. Кривое Озеро, к. 9, я. 1 (с)	Муж., ок. 50 лет

Рис. 1. Характерные признаки колесничного комплекса бронзового века Южного Зауралья: 1 — отпечатки колес в погребениях, Синташтинский большой грунтовой могильник (по: [Генинг и др., 1992, цветная вклейка, рис. 23]; 2 — жертвоприношения лошадей, мог. Степное-1, курган 8; 3 — псалии и наконечники стрел (оружие дистанционного боя), мог. Степное-1, курган 1 (фото автора).

Fig. 1. Characteristic features of the Bronze Age chariot complex of the Southern Trans-Urals: 1 — wheel prints in burials, Sintashta large burial ground (by: [Gening et al., 1992, color pasting, fig. 23]); 2 — horse sacrifices, Stepnoye-1 cemetery, kurgan 8; 3 — cheek-pieces and arrowheads (remote combat weapons), Stepnoye-1 cemetery, kurgan 1 (photo by the author).

Колесничество в обществах бронзового века Южного Зауралья как социальный феномен

Ямы первой группы в большинстве относятся к *синташтинской культуре* (кроме ямы 18 мог. Степное VII). Возраст погребенных определяется в подавляющем большинстве как детский и подростковый. В случаях, когда наборы псалиев находились при конкретных индивидах, их принадлежность определяется как: женщина 17–25 лет (мог. Степное-1, к. 1, я. 1), женщина 15–17 лет, ребенок 1,5–2 года (мог. Степное-1, к. 1, я. 2) (рис. 2), ребенок 5–6 лет (мог. Степное-1, к. 4, я. 10). Таким образом, погребенные из этой группы ям по половозрастным характеристикам никоим образом не могли являться реальными колесничими.

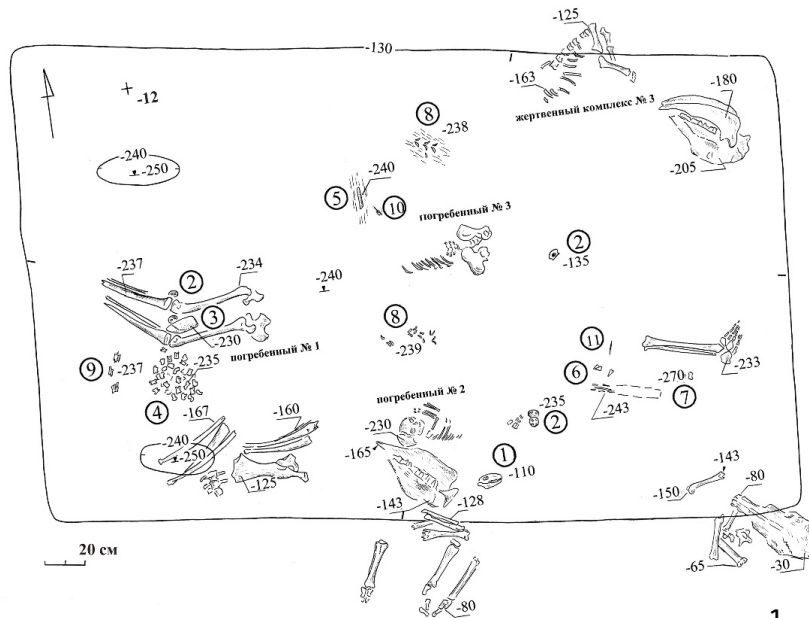

Рис. 2. Пример коллективного погребения с признаками колесничного комплекса (погребение 2 кургана 1 мог. Степное-1):

1 — план погребения (1 — череп собаки; 2 — роговые псалии; 3 — каменное орудие; 4 — набор астрагалов; 5 — бронзовое тесло; 6 — остатки колчана со стрелами; 7 — кусок смолы; 8 — украшение из клыков-амулетов; 9 — остатки сгоревшей деревянной плахи; 10 — шило с остатками деревянной рукоятки; 11 — «стрекало» (?); 2 — деталь погребения, ребенок 1,5–2 лет с псалиями и колчанным набором; 2 — деталь погребения, женщина 15–17 лет с псалиями, каменным орудием и набором астрагалов (фото автора).

Fig. 2. An example of a collective burial with signs of a chariot complex (burial 2 of kurgan 1 Stepnoye-1 cemetery):

1 — plan of burial; 2 — detail of burial, a child of 1.5–2 years with cheek-pieces and a quiver set; 2 — detail of burial, a 15–17-year-old woman with cheek-pieces, a stone tool and a set of astragali (photo by the author).

М.Б. Медникова, цитируя Е.Е. Кузьмину, пишет о формировании в бронзовом веке касты воинов-колесничих, предполагающей, что потенциальные колесничие с детства воспитывались и проживали совместно, проходя специальные тренировки [Медникова, 2010, с. 94]. В пользу кастовости и наследственности говорят факты массовости и разновозрастности погребений. То, что большинство погребенных с псалями являлись женщинами и маленькими детьми, может свидетельствовать о распространении статуса «колесничего» на всех членов определенной семьи, а не только на тех, кто был потенциально способен к обучению и тренировкам (добавим к этому, что, например, женщина из п. 1 к. 1 мог. Степное-1, занимавшая положение «колесничего» в могиле, страдала рахитом).

Погребенные в первой группе ям, по всей очевидности, не могли быть реальными колесничими, но лишь имели этот символический статус, четко обозначенный в ритуале. Все погребения кроме псалиев сопровождалось и другими признаками колесничного комплекса, включающими, согласно ранее данному определению [Чечушков, 2013], колесные ямки, оружие дистанционного боя, жертвенники с останками лошадей, стрекала.

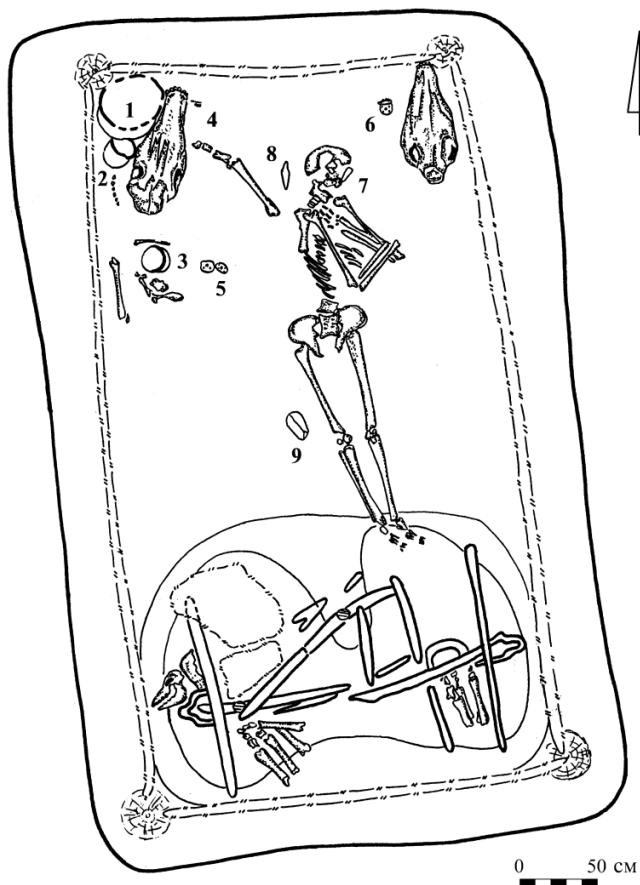

Рис. 3. Пример индивидуального погребения с признаками колесничного комплекса (мог. Кривое Озеро, курган 9, яма 1) (по: [Виноградов, 2003, с. 85]).

Fig. 3. An example of an individual burial with signs of a chariot complex (Krivoe Ozero cemetery, kurgan 9, pit 1).

Тем не менее тренировки по управлению колесницами для определенной группы молодежи, очевидно, имели место. Подтверждением этому может служить факт нахождения в двух коллективных ямах (я. 2 к. 1. мог. Степное-1 и я. 18 мог. Степное VII) нескольких миниатюрных псалиев, которые изначально были интерпретированы нами как votivные либо модели, но, по заключению трасолога, являлись вполне рабочими экземплярами, имеющими следы использования [Куприянова, Усачук, 2020, с. 79]. Необходимо также отметить, что большинство изученных псалиев из могильников Степное-1, Степное VII, Кривое Озеро по трасологическим заклю-

чениям имели следы использования [Куприянова, Усачук, 2020; Усачук, 2003]. При этом у подавляющего большинства изученных экземпляров, судя по данным трасологии, это следы *непродолжительного* использования. На основании трасологических исследований псалиев из могильника Кривое Озеро А.Н. Усачуком было высказано предположение, что они использовались для доставки колесницы к месту погребенного [2003, с. 330]. Лишь один экземпляр из к. 1 мог. Степное-1 и пара из к. 9 мог. Кривое Озеро имели следы значительного износа и были нефункциональны, а вторая пара из той же ямы к. 9 была предположительно новая. Результаты экспериментальных исследований также подтверждают, что псалии перед помещением их в погребальные комплексы использовались определенное время [Chechushkov et al., 2018]. Таким образом, как данные экспериментов, так и изучение древних артефактов подтверждают, что большинство псалиев в погребениях являлись рабочими (в том числе учебными?) экземплярами, но, по соотношению с полом, возрастом и состоянием здоровья покойных, не могли являться их личной собственностью.

В группе 2 большинство ям относятся к петровской культуре (кроме ям из к. 9 мог. Кривое Озеро (рис. 3) и к. 33 мог. Степное-1). Пол погребенных уверенно определяется как мужской, возраст — от возмужалого до пожилого (по меркам бронзового века). Эти индивидуумы, в отличие от погребенных первой группы, по половозрастным характеристикам могли являться реальными колесничими. Набор зафиксированных признаков колесничного комплекса здесь тот же, что и в первой группе: колесные ямки, оружие дистанционного боя, жертвенники с останками лошадей, стрекала. Отличие состоит в индивидуальном характере погребений, подчеркнутым тем, что яма с «колесничим» в большинстве случаев — единственная крупная центральная яма кургана, в то время как ямы первой группы входят в комплекс из 2–3 центральных коллективных погребений.

К сожалению, для большинства погребенных в этой группе отсутствуют определения палеопатологий. Г.В. Рыкушина определяет у индивида из к. 9 мог. Кривое Озеро следы воспалительных процессов в черепе [2003, с. 249], сохранность посткраниального скелета оценивается как неудовлетворительная. Тем более примечателен на этом фоне индивид из к. 33 мог. Степное-1², на черепе которого в центре лба зафиксирована круглая выемка от полученной при жизни и заросшей травмы (рис. 4, 1). Диаметр ее можно сопоставить, например, с диаметром бойка топора, аналогичного найденному в погребении 17 мог. Степное VII и на других памятниках синташтинской и петровской культур (рис. 4, 3) (археозоологами ранее высказывалось предположение, что похожими орудиями наносились удары по черепам жертвенных животных, во множестве фиксируемые в жертвенных комплексах синташтинской и петровской культур). На позвонках всех отделов позвоночника зафиксированы патологические остеофитозные разрастания (рис. 4, 2). Подобные же разрастания отмечены М.Б. Медниковой у погребенного карасукской культуры, интерпретирующегося как «колесничий» [2010, с. 90]; они могли быть следствиями как травмы позвоночника, усиленной нагрузки на позвоночник, так и генетической предрасположенности, инфекции и пр. Профессия колесничего чревата множеством возможностей получить травмы и заболевания (падение с колесницы, удар лошади, боевые ранения, простуды вследствие длительного нахождения на открытом пространстве в холодное время и пр.). Ранение в области лба у погребенного из кургана 33 с большой долей вероятности относится не к бытовым, а к боевым травмам. Таким образом, погребения второй группы по совокупности признаков можно с определенной степенью уверенности интерпретировать как погребения реальных воинов-колесничих.

Подводя итог анализу, можно констатировать, что погребенные первой группы (преимущественно относящиеся к синташтинской культуре), являлись лицами различного пола детского и юношеского возраста и обладали символическим (родовым или наследственным?) статусом «колесничего». Погребенные второй группы (преимущественно относящиеся к петровской культуре), очевидно, являлись реальными воинами-колесничими с высоким социальным статусом. В этой связи интересно сопоставить данные проведенного нами ранее анализа распределения типов жертвоприношений лошадей в синташтинской и петровской культурах [Куприянова, 2021]. По материалам 96 объектов, содержавших парные жертвоприношения лошадей, установлено, что «частичные» жертвенники типов А1-2 (голова и ноги животного) приурочены в основном к коллективным могилам в синташтинских могильниках, а жертвенники типа Б2 (целые туши лошадей, располагающиеся на подкурганной площадке у индивидуальных мужских погребений)

² Антропологические определения А.Х. Чирковой (г. Москва).

составляют подавляющее большинство в петровских памятниках. На основании этих данных был предложен вывод о том, что различия в типологии парных жертвоприношений лошадей в первом случае («синташта») являются индикаторами принадлежности колесничной символики некоему коллективу (социальной группе, роду), во втором («петровка») — говорят о формировании некоего подобию вождеской власти. Предложенные выводы согласуются со всем спектром приведенных выше данных.

Рис. 4. Останки погребенного из кургана 33 мог. Степное-1:

1 — череп со следами прижизненной травмы; 2 — позвонки со следами патологических остеофитозных разрастаний; 3 — топор из погребения 17 мог. Степное VII — возможный тип орудий для нанесения боевых травм (фото автора).

Fig. 4. The remains of the man from the kurgan 33 Stepnoye-1 cemetery:

1 — a skull with traces of a lifetime injury; 2 — vertebrae with traces of pathological osteophytic growths; 3 — an axe from the burial 17 Stepnoye VII cemetery — a possible type of weapons for inflicting combat injuries (photo by the author).

Обсуждение и выводы

Основным итогом исследования стала констатация факта существования в погребальном обряде на северной периферии синташтинской и петровской культур бронзового века двух групп погребений, обладающих символикой колесничества, — коллективных (преимущественно женских и детских) и индивидуальных (мужских зрелого возраста).

На основании всех учтенных факторов можно выдвинуть гипотезу, что на начальной стадии формирования колесничество как социальный феномен являлось прерогативой одного рода/клана, члены которого были задействованы в разных стадиях процесса — изготовлении колесниц, упряжи, дрессуре лошадей, езде на колесницах, обучении воинов и пр. В ритуале на всех них, невзирая на пол и возраст, распространялся статус «колесничего». Проявления подобной клановости фиксируются в основном в памятниках синташтинской культуры. Но очень быстро, уже в петровском обществе, семантическая и ритуальная связь с темой колесничества была делегирована конкретному индивиду — непосредственному управляющему колесницей, обладавшему высоким статусом, характер и порядок приобретения которого по археологическим данным не прослеживается. В могильниках, материалы которых послужили базой для ис-

следования, можно наблюдать пересечение этих двух фаз, что не противоречит последним данным радиоуглеродного датирования синташтинских и петровских древностей в археологических памятниках у с. Степное. Ширина диапазона петровской серии дат (2133–1631 г. до н.э.) перекрывает синташтинский интервал (около 1950–1850 г. до н.э.) и производит впечатление синхронности существования двух культур в данном конкретном микрорайоне [Епимахов и др., 2021, с. 23]. Безусловно, речь не идет о том, что подобное культурное соотношение распространялось на всю территорию Зауралья. В совокупности, на всей территории существования, синташтинские древности имеют чуть более раннюю хронологическую позицию относительно петровских, но на памятниках северной периферии синташтинского мира (каковыми являются укрепленные поселения Степное и Черноречье и сопутствующие им могильники), очевидно, отражен поздний период сосуществования двух культур.

В качестве параллельной альтернативной гипотезы, основанной на синхронности существования синташтинского и петровского населения на северной периферии ареала культур, можно предположить, что личность колесничего (погребения группы 2) изначально выделялась как в обряде, так и по социальному статусу, а в коллективных погребениях группы 1 были погребены члены семьи, родственники колесничего, имевшие отношение не непосредственно к управлению колесницами, но к данной сфере деятельности. Разрешению вопроса последовательного либо синхронного появления в обряде этих групп может способствовать дальнейшее расширение серий радиоуглеродных дат и ареала исследования.

Колесница в бронзовом веке Южного Зауралья играла, вероятнее всего, кроме практической, также статусную и ритуальную роль. Поскольку синташтинско-петровские коллективы являлись пионерами в использовании данного вида транспорта, вряд ли его применение было столь же широкомасштабным, как в более поздние эпохи. Использование колесницы как транспортного средства для дальних путешествий затруднительно, поскольку, в отличие от повозки, она не могла вместить никакого существенного груза, а возница постоянно испытывал сильное напряжение. В условиях зауральской степи вызывает сомнение и то, что ее могли применять для массовых и регулярных военных столкновений. Судя по письменным источникам, поля для боя колесниц готовились специально, выравнивались все неровности поверхности. В степях бронзового века, в отсутствие благоустроенных дорог, при высоком травостое, скрывающем валуны, овраги, впадины, применение колесниц с использованием их технических преимуществ (скорость, маневренность) неизбежно вызывало ряд сложностей [Балонов, 1996, с. 10], которые преодолевались с наработкой опыта. Тем не менее широкое распространение колесниц в будущем демонстрирует их совершенствование и практическую значимость.

На основе приведенных рассуждений можно предположить гипотетическую модель, в которой изначально колесницы преимущественно использовались для одиночных (ритуальных?) поединков между кандидатами от общин при решении каких-либо спорных вопросов (земельных, имущественных?), подобно тому как, если ориентироваться на письменные источники, иногда перед боем проводились ритуальные бои двух воинов от противостоящих сторон, результат которых определял исход боя дружин. Соответственно, к изготовлению и использованию такой статусной вещи имел отношение конкретный родственный коллектив, на всех членов которого распространялась символика «колесничества». Но уже вскоре эта символика стала ассоциироваться лишь с конкретным персонажем — воином-колесничим.

Благодарности. Автор выражает признательность антропологам А.А. Хохлову (г. Самара), Е.П. Китову (г. Москва), А.Х. Чирковой (г. Москва) за антропологические определения скелетных останков из могильников у с. Степное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. 362 с.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. Ч. 1. 408 с.

Доде З.В. Костюм как репрезентация историко-культурной реальности: К вопросу о методе исследования // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк: ДонГУ, 2005. Т. 2. С. 305–330.

Епимахов А.В., Куприянова Е.В., Хоммель П., Хэнкс Б.К. Археология и комплексные методы исследования: От представлений о линейной эволюции к мозаике культурных традиций (бронзовый век Урала в свете больших серий радиоуглеродных дат) // Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: Проблемы исторической реконструкции: Материалы I Междунар. междисц. конф. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2021. С. 7–29.

Епимахов А.В., Чечушков И.В. Экспериментальные работы по реконструкции конской упряжи эпохи бронзы // Археологический альманах. № 15: Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк: Дон. обл. краевед. музей, 2004. С. 39–45.

Зданович Г.Б. Аркаим: Арии на Урале. Гипотеза или установленный факт? // Фантастика и наука. М.: Знание, 1992. Вып. 25. С. 256–271.

Зданович Д.Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск: Аркаим; ЧелГУ, 1997. 93 с.

Массон В.М. Ранние комплексные общества Восточной Европы // Древние общества Юго-Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.: ИИМК РАН, 2000. С. 135–166.

Медникова М.Б. Скелетные особенности колесничих по данным антропологии // Бочкарев В.С., Бужилова А.П., Епимахов А.В. и др. Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург: ИЭРИЖ УрО РАН; Самара: Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад.; Донецк: Дон. обл. краевед. музей; Челябинск: Рифей, 2010. С. 88–116.

Кореневский С.Н. О понятиях «вождество», «государство», «цивилизация» в трактовке исторической этнологии, археологии и символики погребений с оружием (по материалам V–II тыс. до н.э. Подунавья, Кавказа и Ближнего Востока) // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Саратов, 2021. Вып. 17. С. 45–85.

Куприянова Е.В. К вопросу о взаимодействии синташтинского и петровского населения в эпоху бронзы в Южном Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск: Рифей, 2015. С. 62–70.

Куприянова Е.В. Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: Могильник Степное-1 (раскопки 2008, 2010–2011, 2014 гг.). Челябинск: Энциклопедия, 2016. 119 с.

Куприянова Е.В. Внутренний конфликт дуальной символики или конфликт в обществе: Обряды парных жертвоприношений лошадей в некрополях бронзового века Южного Зауралья и Казахстана // Уфим. археол. вестник. 2021. № 2. С. 109–128.

Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. Древности лесостепного Зауралья: Могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.

Куприянова Е.В., Усачук А.Н. Псалии могильника Степное 1: Практический и семантический аспекты использования // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2020. № 8 (1). С. 69–100.

Рыкушина Г.В. Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. С. 345–360.

Усачук А.Н. Трасологический анализ псалиев могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. С. 319–332.

Чечушков И.В. Колесницы евразийских степей эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 57–65.

Чечушков И.В., Епимахов А.В. Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // Бочкарев В.С., Бужилова А.П., Епимахов А.В. и др. Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург: ИЭРИЖ УрО РАН; Самара: Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад.; Донецк: Дон. обл. краевед. музей; Челябинск: Рифей, 2010. С. 182–229.

Drenan R., Hanks B., Peterson Ch. The comparative study of chiefly communities in the Eurasian steppe region // Social evolution and history. 2011. Vol. 10. N 1. P. 149–186.

Chechushkov I.V., Epimakhov A.V., Bersenev A.G. Early horse bridle with cheekpieces as a marker of social change: An experimental and statistical study // Journal of archaeological science. 2018. Vol. 97. P. 125–136.

Kupriyanova E., Epimakhov A., Berseneva N., Bersenev A. Bronze Age Charioteers of the Eurasian Steppe: A Part-time Occupation for Select Men? // Praehistorische Zeitschrift. 2017. № 92 (1). P. 40–65.

ИСТОЧНИКИ

Балонов Ф.Р. Культ коня и колесницы в скифо-сарматскую эпоху у народов евразийских степей и предгорий: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996. 30 с.

Епимахов А.В. Бронзовый век Южного Урала (экономические и социальные аспекты): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010. 56 с.

Зданович Д.Г. Археологические раскопки могильника Степное (Челябинская область) в 2006 году: Отчет. Челябинск, 2013 // Архив ОГБУК Челябинский государственный историко-культурный заповедник «Аркаим». Р-1. № 186.

Куприянова Е.В. Раскопки могильника Степное-1 в Пластовском районе Челябинской области в 2021 году // Архив УНЦ изучения проблем природы и человека ФГБОУ ВО «ЧелГУ». № 1-2022.

Чечушков И.В. Колесничный комплекс эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии (от Днепра до Иртыша): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 26 с.

The charioteering in the Bronze Age societies of the Southern Trans-Urals as a social phenomenon

The sites of the Sintashta and Petrovka archaeological cultures of the Bronze Age of the Southern Trans-Urals (Russia) have been traditionally considered as part of the realm of chariot cultures of early Indo-European communities. The analysis of the finds demonstrates that the phenomenon of charioteering carried an important symbolic role in the paradigm of the steppe communities of the Bronze Age. Numerous finds of chariot fragments, elk antler cheekpieces, paired horse sacrifices, remote combat weapons in cemeteries of Stepnoye I, Stepnoye VII, and Krivoe Ozero have been repeatedly subjected to scientific investigation. Collective burials have been discovered, in which even women and young children are accompanied by weapons, cheekpieces, fragments of chariots and sacrificial horses. Based on this, we have concluded that the community of “charioteers” included members of a certain clan, possibly related to the production and use of chariots, horse training, etc. At the same time, however, individual burials of adult men with elements of a chariot complex have also been found, which occupied central positions in kurgans; those men could have been actual chariot warriors. Recent findings provide a vivid evidence for this. In the field season of 2021, the Sintashta burial complex (kurgan 33) was investigated in the Stepnoye I cemetery, the central burial of which contained a skeleton of a 35–50 year old man who had a round healed hole in his skull. Theoretically, such an injury could have been caused by a battle axe, similar to ones found at the sites of the Sintashta and Petrovka Cultures. Furthermore, abnormal osteophytosis growths have been recorded on all areas of the man's spine, which could have resulted from both injury and high pressure on spine caused by driving a chariot. One elk antler cheekpiece (an element of horse bridle) was found in the burial, along with numerous bones of sacrificial animals. All details of the burial rite indicate that the buried man was a significant person for the community, probably a charioteer warrior. Previously obtained AMS dates attribute the Sintashta complexes of the Stepnoye I cemetery to the range of about 1950–1850 BC. Thus, the newly investigated kurgan 33 of the Stepnoye I cemetery represents another piece of evidence indicating the existence of chariot culture among the steppe communities of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals.

Keywords: Bronze Age, Southern Trans-Urals, Sintashta Culture, Petrovka Culture, charioteering, burial rite.

Acknowledgements. The author expresses gratitude to anthropologists A.A. Khokhlov (Samara), E.P. Kitov (Moscow), A.H. Chirkova (Moscow) for anthropological definitions of skeletal remains from the cemeteries near Stepnoye village.

REFERENCES

- Dode, Z.V. (2005). The costume as representation of history and cultural reality: To the question of method of researches. In: *Strukturno-semioticheskie issledovaniia v arkheologii*, (2). Donetsk: DonGU, 305–330. (Rus.).
- Drenan, R., Hanks, B., Peterson, Ch. (2011). The comparative study of chiefly communities in the Eurasian steppe region. *Social evolution and history*, 10(1), 149–186.
- Chechushkov, I.V. (2011). The chariots of Bronze Age Eurasian steppes. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 15(2), 57–65. (Rus.).
- Chechushkov, I.V., Epimakhov, A.B. (2010). The chariots complex of Ural-Kazakhstan steppes. In: Bochkarev V.S., Buzhilova A.P., Epimakhov A.V. et al. *Koni, kolesnitsy i kolesnichie stepei Evrazii*. Ekaterinburg: Institut ekologii rastenii i zhivotnykh UrO RAN; Samara: Povolzhskaya gosudarstvennaya sotsial'no-gumanitarnaya akademiya; Donetsk: Donetskii oblastnoi kraevedcheskii muzei; Cheliabinsk: Rifei, 182–229. (Rus.).
- Chechushkov, I.V., Epimakhov, A.V., Bersenev, A.G. (2018). Early horse bridle with cheekpieces as a marker of social change: an experimental and statistical study. *Journal of archaeological science*, 97, 125–136.
- Epimakhov, A.V., Kupriyanova, E.V., Hommel, P., Hanks, B.K. (2021). Archaeology and complex methods of researches: From ideas about line evolution to mosaic of cultural tradition (Ural Bronze Age in the light of big series of AMS data). In: *Drevnie i traditsionnye kul'tury vo vzaimodeistvii so sredoi obitaniia: Problemy istoricheskoi rekonstruktsii*. Cheliabinsk: Izdatel'stvo Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 7–29. (Rus.).
- Epimakhov, A.V., Chechushkov, I.V. (2004). The experimental works with reconstruction of Bronze Age horse harness. In: *Arkheologicheskii al'manakh*, (15). Donetsk: Donetskii oblastnoi kraevedcheskii muzei, 39–45. (Rus.).
- Gening, V.F., Zdanovich, G.B., Gening, V.V. (1992). *Sintashta: Archaeological sites of Aryan tribes of the Ural-Kazakhstan steppes*. Chelyabinsk: Iuzh.-Ural. kn. izd-vo. (Rus.).
- Masson, V.M. (2000). The early complex societies of Eastern Europe. In: *Drevnie obshchestva Iugo-Vostochnoi Evropy v epokhu paleometalla (rannie kompleksnyye obshchestva i voprosy kul'turnoi transformatsii)*. St. Petersburg: IIMK RAN, 135–166. (Rus.).
- Mednikova, M.B. (2010). The skeleton features of charioteers for anthropological data. In: Bochkarev V.S., Buzhilova A.P., Epimakhov A.V. et al. *Koni, kolesnitsy i kolesnichie stepei Evrazii*. Ekaterinburg: Institut ekologii rastenii i zhivotnykh UrO RAN; Samara: Povolzhskaya gosudarstvennaya sotsial'no-gumanitarnaya akademiya; Donetsk: Donetskii oblastnoi kraevedcheskii muzei; Cheliabinsk: Rifei, 88–116. (Rus.).

Korenevskii, S.N. (2021). About terms “chiefdom”, “state”, “civilization” in historical ethnology, archaeology and symbolic of burials with weapon (on the materials of V–II millennium BC of Don, Caucasus and Middle East). In: *Arkheologiya Vostochno-Evropeiskoi Iesostepi*, (17), 45–85. (Rus.).

Kupriianova, E.V. (2015). To the question about interactions of Sintashta and Petrovka populations in Bronze Age of Southern Trans-Urals. In: *Etnicheskie vzaimodeistviia na luzhnom Urale*. Cheliabinsk: Rifei, 62–70. (Rus.).

Kupriianova, E.V. (2016). *The burial practices of Bronze Age of Southern Trans-Urals: Stepnoye-1 cemetery (excavations of 2008, 2010–2011, 2014)*. Cheliabinsk: Entsiklopediia. (Rus.).

Kupriianova, E.V. (2021). Internal conflict of dual symbolism or conflict in society: Rites of paired horse sacrifices in Bronze Age necropolises of Southern Trans-Urals and Kazakhstan. In: *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, (2), 109–128. (Rus.).

Kupriyanova, E., Epimakhov, A., Berseneva, N., Bersenev, A. (2017). Bronze Age Charioteers of the Eurasian Steppe: A Part-time Occupation for Select Men? *Praehistorische Zeitschrift*, 92(1), 40–65.

Kupriianova, E.V., Usachuk, A.N. (2020). The cheek-pieces of Stepnoye-1 cemetery: Practice and semantic. *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*, 8(1), 69–100. (Rus.).

Kupriianova, E.V., Zdanovich, D.G. (2016). *The antiquity of forest-steppe Trans-Urals: Stepnoye VII cemetery*. Cheliabinsk: Entsiklopediia. (Rus.).

Rykushina, G.V. (2003). The anthropologic characteristics of Bronze Age populations of Southern Ural on Krivoe Ozero cemetery materials. In: Vinogradov N.B. *Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v luzhnom Zaural'e*. Cheliabinsk: luzh.-Ural. kn. izd-vo, 345–360. (Rus.).

Usachuk, A.N. (2003). The trasology analyses of cheek-pieces from Krivoe Ozero cemetery. In: Vinogradov N.B. *Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v luzhnom Zaural'e*. Cheliabinsk: luzh.-Ural. kn. izd-vo, 319–332. (Rus.).

Vinogradov, N.B. (2003). *The Bronze Age cemetery Krivoe Ozero in the Southern Trans-Urals*. Cheliabinsk: luzh.-Ural. kn. izd-vo. (Rus.).

Zdanovich, D.G. (1997). *The Sintashta society: social base of “quazy-town” culture of Middle Bronze Age of Southern Trans-Urals*. Cheliabinsk: Arkaim; ChelGU. (Rus.).

Zdanovich, G.B. (1992). Arkaim: Aryan on the Ural: hypotheses or real fact? *Fantastika i nauka*, (25). Moscow: Znanie, 256–271. (Rus.).

Куприянова Е.В., <https://orcid.org/0000-0001-8842-9976>

Сведения об авторе:

Куприянова Елена Владиславовна, кандидат исторических наук, директор учебно-научного центра, Челябинский государственный университет, г. Челябинск.

About the author:

Kupriyanova Elena V., Candidate of Historical Sciences, Director of the educational and scientific center, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 05.12.2022

Article is published: 15.06.2023